

А. Е. Ухналёв

Ландшафт как фактор пространственной организации городской среды Санкт-Петербурга

Ухналёв А. Е.

Ландшафт как фактор пространственной организации городской среды Санкт-Петербурга

Рассматривается особенная пространственная организация Петербурга в ее прямой зависимости от ландшафта местности. Для пространственного строя Петербурга характерно слияние городских пространств с образованием единой системы, сохраняющей связь с миром за пределами города. Показано, как ландшафтные факторы — равнинный рельеф, растительность, природные экосистемы, особенности сезонной освещенности, открытая линия горизонта — определяют принципы пространственной организации городской среды.

Ключевые слова: пространство, ландшафт, рельеф, растительность, освещенность.

Ухналёв Андрей Евгеньевич, кандидат искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), ведущий научный сотрудник.

E-mail: andrey-ukhnalev@yandex.ru

Ukhnalev Andrey Evgen'evich, Ph. D. (Art History), Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation), leading research fellow.

Ukhnalev A. E.

Landscape as a Factor of Spatial Organization of the Urban Environment of St. Petersburg

The article considers the special spatial organization of St. Petersburg in its direct dependence on local landscape. The spatial structure of St. Petersburg is characterized by the merging of urban spaces and formation of a single system which maintains a connection with the world outside the city. It demonstrates how the landscape factors such as flat terrain, vegetation, natural ecosystems, seasonal illumination features, and open horizon line determine the principles of spatial organization of the urban environment.

Keywords: space, landscape, relief, vegetation, illumination.

Своеобразие Санкт-Петербурга обеспечивается главным образом его особой градостроительной структурой. Другие города демонстрируют иное — у каждого особенное — устройство. Но лишь о многих можно говорить как о городах пространства.

Пространственность города создается ландшафтом и архитектурой. Если архитектура как произведение мысли и рук человека является активной действующей силой, то ландшафт обычно считается пассивной средой. Ландшафт приспособливается трудами человека к его потребностям, претерпевая при этом трансформацию. Только в таком, измененном, виде обществом принимается ландшафтная «подоснова» в качестве компонента города и силы, формирующей его художественный образ. Складывается впечатление оппозиционности архитектуры и ландшафта, разрешающейся в пользу рационального, осмысленного архитектурного порядка, противоборствующего со стихийной Naturой и побеждающего ее.

Однако такое впечатление не является ни достаточным, ни в полной мере верным. Даже находясь в рамках представления об оппозиционности культуры и Naturы в городской черте, можно обнаружить, что сложение городской ткани в значительной степени обеспечивается именно природными факторами, действующими параллельно архитектуре, но по сути в одном с ней направлении. Иначе говоря, ландшафт не пассивен, он не обречен на роль постоянно чуждого человеку и неудобного для него природного фона городской застройки, пассивного вместилища архитектуры. Ландшафт сам — сильный фактор, во многом определяющий способы, которыми формируется уникальный облик города.

Сказанное в полной мере относится к Санкт-Петербургу — не только к городу вообще, но и конкретно к городу петровского времени. Казалось бы, в ранний период своего существования город еще не может рассматриваться в понятиях градостроительной науки. Однако Петербург тем и замечателен, что с самых первых лет своего существования

Исследование проведено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год, тема № 1.1.6.1.

получил такое направление развития, которое весь XVIII в. не менялось и привело к градостроительному расцвету начала XIX в. Более того, именно петровский этап истории Петербурга выразительно демонстрирует роль и значение природного ландшафта, который доминировал в то время в образе города.

Каким был этот ландшафт? Каковы его характеристики и как определили они пространственность раннего Петербурга? Прежде всего, следует сделать оговорку о растительности в невиской дельте. Леса были, пожалуй, наименее значимым, хотя и не последним фактором при строительстве города. Известна высокая степень освоённости территории будущего города во времена шведского владычества. О том, как мало лесов и рощ оставалось в окультуренном невиском ландшафте, косвенно свидетельствует распоряжение Петра о запрещении порубок, вызванное тем, что лесов было здесь слишком мало и существовала опасность, что они вскоре будут полностью сведены. Между тем этот указ нередко интерпретируется историками противоположным образом — как свидетельство о том, что территория города была густо покрыта лесом.

Но всё же малая часть растительности перешла в городскую среду. Речь идет не о дикой древесной растительности, а о культурных посадках, сделанных в садах шведских усадеб дельты Невы. Известно (впрочем, только по косвенным данным) о саде усадьбы офицера Коноу [4]. Она была облюбована царем Петром, приспособлена им под летнюю резиденцию и в дальнейшем, интенсивно развиваясь, превратилась в значительное в петровском Петербурге градостроительное образование — Летний двор. Но это перемещение растительности из шведского прошлого в новый петровский город не имело характера трансформации природного ландшафта в культурный. Ведь исходный ландшафт в этом случае уже не был частью дикой природы. В остальном же природная растительность выступала скорее антагонистом, нежели пособником принципов петербургской пространственности, предполагавшей создание больших открытых пространств.

На видах Петербурга Христофора Марселиуса середины 1720-х гг., дающих представление о городской застройке, дикая растительность изображена в специфической манере. Высота отдельных деревьев или их сомкнутых крон занижена рисовальщиком (вид на Адмиралтейский остров со стороны Мойки [5, с. 80]). Деревья распластаны над землей, стремятся с ней слиться, освобождая место для пространства, «затапливающего» картинную плоскость. Такой способ изображения принадлежит к числу средств создания образа города, в котором главным предметом показа является неизобразимое пространство. На листе бумаги его можно зафиксировать, только прибегнув к приемам, искажающим натуру, в данном случае сжимающим, уменьшающим отдельные части изображения.

Сейчас трудно судить о характере той растительности, что покрывала земли невиской дельты. Но, видимо, здесь не было такого леса, который массой своих крон и высотой стволов сколько-нибудь соотносился с масштабом пространства невиского плеса и рукавов дельты. Посетивший Петербург в аннинское время (конец 1730-х гг.) итальянец Альгаротти описывал свое путешествие на шлюпке из Кронштадта в Петербург (IV письмо). Альгаротти пишет: «Она (дорога по воде из Кронштадта в Петербург.— А. У.) усажена по обеим сторонам лесом, причем не из пышнолиственных дубов или оживленных лавров, а из самых убогих деревьев, которые когда-либо видели солнце» [1, с. 70]. Заросли кустарников и низкорослые деревья подчеркивали широту пространства дельты. Такая растительность ничем не привлекала взгляд, не запечатлевалась в восприятии и не отвлекала зрителя от главного и по сути единственного, чем мог впечатлить этот ландшафт,— грандиозного пространства.

Главными же в Петербурге были общие для природного и культурного ландшафта факторы, прямо соотносившиеся с пространственными характеристиками места. Первое, что обращает на себя внимание в Петербурге, это рельеф, вернее, его отсутствие. Ландшафт дельты Невы равнинный. Лишь на юге и севере территории современного города, на естественных границах впадины, в которой веками наслаивались наносы реки, рельеф повышается и делается выраженным. Однако для города петровского времени эти возвышенности значения не имели, поскольку не попадали в зону видимости из центра.

Рельеф всё же иногда заметен в городе, даже современном. Тем более он был виден в те времена, когда по дикой местности впервые прокладывались улицы. В наше время заметно, например, плавное повышение мостовой от Фонтанки вглубь суши на Графском и Щербаковом переулках. Сейчас такой слабо выраженный средовой нюанс придает своеобразие этой части города. Ощутим подъем Невского проспекта на конечном его отрезке с приближением к Знаменской площади. Его можно заметить по линии примыкания тротуаров к цоколям зданий. Отчетливо виден подъем в Лиговском переулке, на ул. Ульяны Громовой.

Более заметными и с большей силой воздействующими на сложение образа города были не эти незначительные повышения рельефа, а, напротив, его понижения. Обширные болотистые низины своей плоской поверхностью, покрытой низкой растительностью, усиливали ощущение простора. Восприятие, ищущее опоры, находило одно лишь необъятное пространство, заполняющее всё вокруг. Главным здесь было ощущение свободы. Основное «практическое» свойство пространства как вместительности человеческого существования состоит в том, что оно предоставляет свободу перемещения

в любом направлении. По сути, это и есть единственное достаточное условие телесной свободы, и эту свободу вполне ощущал человек в начальном Петербурге.

Следует отметить, что русские XVIII столетия не могли в полной мере усвоить идею свободы и пользоваться волей как личным достоянием. Рабское положение убивало в сознании возможность мыслей о свободе. К духовной свободе в России делались тогда только первые шаги, и началом пути стало усвоение телесной свободы как одного из условий удовлетворительной жизни. Собственно, свобода духовная не только недостижима без свободы телесной, но невозможна и как концепция, как сознаваемая потребность и условие счастья. Так что «воспитание» петербургским пространством имело огромное значение для просвещения России.

Пространство Петербурга не только просвещало, оно было пробным камнем для человеческих душ, разделяя людей на две формации: одну — идущую в будущее за царем Петром, другую — остающуюся в прошлом. Вот почему Петербург с такой ясностью воспринимался уже тогда городом западной культуры. Не только архитектура делала его таким. Строй пространства города, в котором простор и воля побеждали то небольшое, что перешло в него из старой русской градостроительной традиции [3], был наглядной материализацией идеи свободы, резко отличавшей Запад от России того времени. Иностранцы ощущали это, признавая Петербург городом европейским, в отличие от Москвы, остававшейся им чужой. В Петербурге они чувствовали себя свободно, и их жалобы были связаны с поверхностными обстоятельствами жизни — трудностями быта, дороговизной [2]. В среде иностранцев не было неприятия Петербурга как города чужой культуры.

Иллюстрацией полюсов пространственного бытия личности в России XVIII в. служат Москва и Петербург. В пространстве Москвы доминирует центр власти светской и духовной — Кремль, наделяемый в иерархии ценностей и смыслов сакральным значением в духе византийской идеологии симфонии Церкви и государства. Зритель Москвы ориентирован в пространстве города отовсюду видимой на холме громадой Кремля с его соборами и колокольней. Другие направления имеют второстепенное значение. Зрение, восприятие ограничиваются в своей свободе, а вместе с этим теряет часть свободы и человек. В Петербурге же центральное место занимает военный объект, не наделенный ореолом святости, — крепость. Распластанная над водой, она не притягивает взгляд. Только колокольня собора концентрирует на себе внимание. Но архитектура собора, красота этого здания не обусловлена выражением святости места. Она воздействует сама по себе, не стремясь выразить собой священные смыслы и не используя их для усиления своего значения.

Существенным для нового русского города было значение плоскости, горизонтали поверхности земли. Отличительной особенностью ландшафта Невы была свободная протяженная линия горизонта. Немногие из городов Европы, даже из числа приморских, имеют такую ландшафтную особенность. Речь идет, конечно, о панораме до постройки города — о ландшафте, который впечатлил Петра и предопределил будущее лицо города. В памяти впечатлительного царя, несомненно, отложился вид средней части невской акватории, где было определено место для постройки крепости. Свободный непрерывный морской горизонт также должен был произвести на Петра впечатление. Известна любовь царя к морю и мореплаванию, выражавшаяся многообразно, в частности в украшении его жилищ морскими пейзажами голландских мастеров. К изобразительным искусствам Петр относился не с позиции эстета. Главным, что привлекало его в произведениях живописи, было именно море, которое он желал всегда иметь перед глазами. Ландшафт невской местности не заменял собой моря, которое, впрочем, было неподалеку, но этот ландшафт состоял с морем в прямом родстве, обладая общей с ним важнейшей чертой.

Возможно, некоторые особенности ранней застройки, регламентированные царскими указами, косвенно были обусловлены намерением сохранить в городе линию горизонта, обозреваемую с невской акватории или из царских резиденций. Об этом свидетельствуют, например, предписания о создании ровной, без разрывов, линии фасадов одинаковой высоты. Такая застройка набережной линии, можно сказать, имитировала перекрывающую фасадами домов природную линию горизонта. При большой ширине неевского плеса и несопоставимой с нею высоте фасадов такая имитация горизонта приближала городской ландшафт к картине первоначального, уже ушедшего в прошлое природного ландшафта. Невские панорамы Х. Марселиуса выразительно показывают это. Полоса изображенной на них береговой застройки своей ровной высотой, действительно, мало отличается от линии горизонта.

Ровный горизонт круговой панорамы обладает важнейшим качеством. При открытом со всех сторон горизонте полностью раскрывается небесный свод. Только плоскость земли остается твердой и непроницаемой для взгляда, ограничивает пространство, деля его надвое и отдавая всю верхнюю половину человеку. Так что можно сказать: Петербург, в особенности в раннее, петровское, время был наполнен пространством. Вернее, предельной пространственностью обладал ландшафт. В принципе, она могла не претвориться в полной мере в пространственность города. Однако это произошло, и причиной этого, по-видимому, была воля Петра, интуитивно направлявшего развитие города

по таким правилам, которые отвечали пространственным характеристикам природного ландшафта и создавали основу для их перевоплощения в фактор культурной городской среды. Архитектура дала городу новые средства, подчеркивающие открытую пространственность города. Полное раскрытие купола небес при ровной открытой линии горизонта сделалось важнейшим фактором, повлиявшим на пространственность города. Она стала прямым переводом с языка Природы на язык культуры.

Важная особенность петербургского горизонта состоит в том, что географическая ситуация дает возможность, пребывая в городе, с невосковой акватории видеть, как небесный свод смыкается с линией воды. Это можно было наблюдать, например, в Галерной гавани. Впрочем, гавань была далеко от центра и в петровское время еще только осваивалась. Но такие «окна» с видом на морской горизонт открывались в створе главных рукавов Невы. Наличие пространственных прорывов, фигурально и реально выводящих зрителя из центра города во внешний морской простор — важнейшая особенность Петербурга, порожденная природным ландшафтом. Конечно, эффект этот снижался по мере освоения берегов, появления застройки и ее роста вверх. Но даже до недавнего времени воздух пространства, морского простора явственно ощущался за массивами застройки Васильевского острова, в особенности, когда этот вид обозревался с невоских мостов, Троицкого и Биржевого, вдоль русла Малой Невы.

Важным обстоятельством является здесь высота застройки. Если еще несколько десятилетий назад вид из центра города на Васильевский остров в сторону моря был безупречен, то построенные в последние десятилетия XX в. на реке Смоленке и острове Декабристов (Голодае) высокие дома «забором» поднялись над низкой старой застройкой и существенно потеснили пространство. При обозрении с прежних точек уже не возникает эффекта присутствия невидимого из центра моря.

В связи с этим следует отметить один градостроительный принцип, вытекающий из естественного хода развития города. Он состоит в понижении высоты зданий от центра к периферии. Действительно, бедное население окраин строит маленькие дома в соответствии со своим достатком. Эта закономерность долгое время поддерживала неизменность облика крупных городов, подчеркивая градостроительную и семантическую значимость центра. Она создавала вектор правильного обозрения города. «Правильного» значит здесь — вытекающего из естественных закономерностей сложения городской среды. Эта правильность была также элементом сложения города как художественной структуры, поскольку высотность построек, ее изменение в пространстве города является сильным художественным средством градостроительства. Оно опре-

деляет не один лишь силуэт города, наблюдаемый извне (что также очень важно), но и композицию отдельных улиц, участков застройки, организует их взаимную связь, подчеркивает значимость ансамблей и доминант.

Для пространства центра такого города, как Петербург, в котором чрезвычайную важность имеют открытость, пространственная глубина, положение и взаимодействие высотных доминант, было важно понижение высотности от центра к окраинам. Оно давало видимость последовательного разрежения пространства. При этом возникало ощущение выхода перспектив и пространственного прорыва рек дельты во внешний простор. Только такое пространство — воздушное и ничем не заполненное, не загроможденное высотными постройками, собирающимися в кольцо, чтобы окружить город, — принимая в себя реки, каналы и перспективные дороги, могло представиться зрителю убедительным воплощением мирового пространства, причастность которому Петербург демонстрирует более других городов Европы.

Между тем, современный петербургский градостроительный регламент подходит к высотности с противоположной позиции. Высотные ограничения последовательно снимаются вплоть до полной их отмены по мере удаления от центра. В процессе освоения пригородных земель создается новая гиперуплотненная среда, не только некомфортная и антигуманная, но и порочная в градостроительном отношении.

Здоровая естественная тенденция к разрежению застройки и снижению ее высоты по мере удаления от центра действует в общем русле с прочими тенденциями, ведущими к слиянию городских пространств и выведению их сопряженной последовательности во внешнюю для города среду. Причем это внешнее пространство для Петербурга представляет собой, прежде всего, морской простор, далее — обширные приморские равнины, плоская безлесная поверхность которых не дает препятствий для зрения и движения, раскрепощая зрителя и очаровывая его видимостью бесконечности. Таким образом, Петербург, с одной стороны, как бы прорывается в мировое пространство, с другой же — принимает его в себя, растворяется в нем и растворяет его в себе. Петербург делается городом-космополитом, городом вообще, в отличие от городов-частностей, несущих в себе только собственную малую (хотя иногда сильную и выразительную) идею и не приобщенных идее всеобщности.

Рост плотности городской застройки в Петербурге капиталистического периода также сопровождался увеличением этажности вновь возводимых зданий и надстройкой старых. Однако масштаб этих изменений был всё же не таков, чтобы решительно повлиять на восприятие Петербурга. Рост города ввысь сильнее воздействовал на физический

комфорт городской среды стеснением дворовых пространств, появлением дворов-колодцев, нежели на ее эстетику. Соблюдение исторического правила, ставшего во второй половине XIX столетия скорее благочестивой традицией, чем строгим нормативом: не строить зданий выше карниза императорского Зимнего дворца, подравнивал новую застройку, продолжая органические для Петербурга тенденции к регламентации, правильности, выравниванию и спрямлению линий.

Продолжая обсуждение отражения качеств ландшафта в облике Петербурга, следует коснуться значения света. В самом деле, свет, освещенность существенно влияют на восприятие архитектуры, образ города. Географическое положение Петербурга породило такое явление, как «белые ночи». Мягкая освещенность характерна для Петербурга и в другие сезоны.

Резкие светà и тени, «рисующие» очертания зданий, хороши для классической архитектуры. Но когда предметом обозрения становится не отдельное здание или ансамбль, а город, оказывается, что легкая дымка и смягченный свет, не моделирующий рельефно формы зданий, предпочтительнее яркого света солнца. Мягкий свет и дымка обобщают архитектуру, соединяют различное, нередко доступное для соединения только посредством атмосферы. При восприятии города только единство архитектурно разнородного рождает целостный образ, больший, чем простая сумма впечатлений от архитектуры зданий.

Действительно, известны и другие города, строившиеся единовременно по плану. Необходимое для города как произведения искусства архитектурное обобщение создавалось здесь единообразием сооружений, легко переходящим в однообразие (пример — итальянская Пальманова). В этих случаях надархитектурные средства обобщения, например, то сфумато, о котором идет речь, поддерживали ощущение порядка, единообразия. Петербург отчасти подобен таким городам тем, что его градостроительный остов и его заполнение — застройка — появились в короткий срок и были основаны на принципах регулярности с широким использованием образцовых проектов. Но Петербург не стал городом однообразия. В нем регулярность и беспорядок соединились в постоянной борьбе, и регулярность торжествовала лишь в отдельных частях города, причем никогда полностью, но всегда оставляя толику свободы для проявления живописной случайности. Так что свет и атмосферная дымка как фактор обобщения действовали в Петербурге более эффективно. Свет и дымка, соединяя схожее в еще более однородную массу, не уничтожали воздействия на город отдельных архитектурных доминант, сильно выступавших над средовой застройкой. Контраст рядового и уникального смягчался настолько, что все резкости, разрушающие

гармонию, пропадали, а вперед выступало редкостное единство, богатое нюансами, внутренними контрастами и сложным взаимодействием рядового и выдающегося, среды и доминант, ландшафта и застройки.

Мягкий неяркий свет обволакивает формы, растушевывает контуры. Архитектура теряет часть своей весомости, приобщается пространству, но уже не в качестве материального объекта, погруженного в среду и существующего в ее координатах. Сквозь плотность архитектурных масс начинает проступать пространство, которое не было вытеснено материей, а продолжало существовать внутри архитектурной плоти зданий как непрерывная и неизменяемая сущность. Теперь уже сами объемы начинают восприниматься призраками, а пространство возвращает себе статус всеобщности.

В Петербурге осуществляется ренессанс пространства, разбитого и поделенного архитектурой. Как оказывается, оно не умерло внутри зданий, оно готовилось к реваншу. И его время настало в сумеречном свете, который растворил камень и освободил невидимую всепоглощающую среду, вернув ей непрерывную слитность. Можно сказать, что в Петербурге свет получает статус и качества среды. Это — пространственный свет, такой же, как само пространство, прозрачный, делающий пронизываемым всё, что он освещает, в том числе архитектуру.

Конечно, свет мы можем рассматривать лишь как естественный фактор. Архитектура и градостроительство не могли воспользоваться его «подсказкой», чтобы создать свои, подобные по действию средства. Но по опыту эры электричества можно сказать, что естественный свет в первое столетие города был для него благом. Этот фактор действовал об руку с другими качествами ландшафта, выявляющими пространственность города. Вероятно, с предельной поэтической образной силой выразили торжество стихии света в классическом Петербурге пушкинские слова: «...твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, свет безлунный» (курсив мой. — А. У.).

Эпоха уличного освещения, вначале газового, потом электрического, существенно не изменила образ города. Неяркие старые фонари, в особенности во влажной ночной дымке осени или морозном тумане зимы, подсвечивая атмосферу, усиливали материальность пространства и призрачность камня зданий, уравнивая их плотность и растворяя их друг в друге. Но архитектурная подсветка новейшего времени имеет в Петербурге опыт скорее отрицательный. Броская эффектность подсветки отдельных памятников архитектуры (кстати, редко удачная, часто атектоничная) разрушает действие прозрачного пространственного полусвета и почти полностью исключает свет из числа ночных факторов петербургской пространственности в центре города — средоточии памятников и ансамблей.

Впрочем, представлять Петербург как город бесконфликтной среды было бы не верно. Достаточно вспомнить о таком весьма значимом градостроительном факторе, как вертикальные доминанты. В Петербурге это, как правило, заостренные шпили, «пронзающие» несколько размягченную влажным сфумато симбиотическую архитектурно-природную среду. Конфликтный характер острых вертикалей придает драматизм петербургскому пространству. Его выразительность умножается, рождая в особо восприимчивых душах поэтов сильные метафоры. Вспомним жестокий след «укола» одной из золотых игл петербургских вертикалей — «кровавую каплю — трамвай» Осипа Мандельштама.

Рассмотрение света в качестве ландшафтного фактора предполагает также и подобное отношение к небу. Конечно, строго говоря, небо и освещение, если и допустить их рассмотрение на тех же основаниях, что и всего принадлежащего земле и прямо составляющего ландшафт, являются, как может показаться, второстепенными факторами рядом, скажем, с рельефом. Однако, как было показано, сила действия света в ландшафте и в городской среде бывает значительной. В таком случае небо — не менее значимый фактор для Петербурга хотя бы потому, что небо есть наглядная визуализация пространства. К слову, и свет в Петербурге соединен с небом и зависим от его состояния. Ведь ровный и мягкий свет петербургского неба обусловлен, с одной стороны, положением солнца (широтой места), но в то же время и сильной рассеивающей способностью влажной приморской атмосферы.

Как сказано, линия равновысоких домов на набережных Невы в петровскую эпоху давала возможность обозревать если не сам горизонт, то почти совпадающую с ним ровную линию. Присутствие горизонта — реальное и сымитированное застройкой — раскрывало от края и до края купол небес во всю его ширь. Конечно, небо всегда присутствует в любом городе. Однако очевидна разница между небом средневекового города в узких просветах улиц-ущелий, раскрывающихся лишь немного шире на площадях, и небом в городе Нового времени. Но и город эпохи Просвещения, который, как правило, прорастал сквозь средневековую застройку (например, Париж), не мог дать зрителю небо в таком раскрытии. Петербург же, созданный вновь, такую возможность использовал. Правильнее сказать, небо само вошло в город, перенявший пространственность природного ландшафта, переполненного воздухом. Активность неба в Петербурге пропорциональна его «количеству». Вся полусфера, накрывающая город — это, по сути, чистое пространство, в любой точке города открытое для любого наблюдателя и присутствующее на периферии его зрения, даже когда он смотрит себе под ноги.

Разумеется, в средневековом городе не прятали небо намеренно. Город рос, не принимая во внима-

ние, что кто-либо в будущих веках будет любоваться его красотой, обсуждать его образ, признавая существенным и художественно ценным худшее с точки зрения целесообразности, комфорта и гигиены. Город Нового времени не только учитывал пространственный фактор, планируя площади и перспективы, но считал возможным присваивать приземное пространство, наполняющее ландшафт, на котором он располагался, и само небо — беспредельно развивающееся пространство от уровня земли и воды вверх и в стороны.

* * *

Санкт-Петербург петровского времени иногда называют архитектурной лабораторией Европы, имея в виду уникальные обстоятельства появления современного столичного города на слабо освоенном месте, удаленном от крупных русских и европейских центров. Строящийся город, действительно, собрал архитекторов со всей Европы и предоставил им творческую свободу. Однако лабораторией, то есть местом экспериментов, называть Петербург всё же некорректно. Строители нового города работали в привычных и знакомых им манерах, усвоенных в годы ученичества; с этим «багажом» они вступили в профессиональную жизнь и в ней пребывали. Зодчие Петербурга в годы службы в России за редкими исключениями не создали чего-либо экспериментального в архитектуре, такого, что стало бы «новым словом» и отложилось в анналах мирового зодчества. Правильнее было бы назвать Петербург постоянно обновлявшейся архитектурной выставкой.

Однако Петербург не остался в ряду старых европейских столиц только достойным, но не выделяющимся своей оригинальностью городом. Столица обновленной России — город выдающийся. Только ценность и уникальность его облика определяют архитектуру зданий, они заключаются в характере «сверхархитектуры», т. е. в градостроительной сфере. Оригинальность Петербурга усугубляется необычной историей его градостроительного становления. Рост города с первых лет определился единожды увиденным, прочувствованным и понятым балансом между природными качествами северного ландшафта и внедряемой в него искусственной городской средой. Этот баланс, этот живой взаимообмен природы и культуры соблюдался в продолжение более чем столетия вплоть до наступления эпохи упадка архитектурно-градостроительной культуры во второй половине XIX в.

В Петербурге всё было необычно и ново. Одно то, что «коллективным строителем» города была осознана возможность включения природного ландшафта в городскую среду, использования эстетически осмысленных природных факторов в общей картине города, уже является нетипичным для позитивистского просвещенческого менталитета

XVIII в., направленного в первую очередь на преодоление Природы, видящего в ней антагониста культуры, помеху созиданию.

Принимая невский ландшафт как неизбежность, естественно было увидеть в нем скорее негативные черты — унылость, однообразие, чем его неявную красоту, построенную на тонких нюансах, восприятие которых требует вкуса, опыта и душевной чуткости. Нужно было обладать эстетическим мужеством, открытостью видения и гибкостью восприятия, чтобы преодолеть обывательскую ограниченность и быть готовым воспринять и оценить неяркую северную красоту.

Уже в петровское время Петербург определился как город пространственной идеи. Новая столица стала городом открытых пространств с тенденцией к раскрытию просторов вовне и их безграничному расширению. Можно убедиться в том, что присущее архитекторам петровского и аннинского времени видение градостроительных принципов, органически присущих Петербургу, слитных с его внутренней природой, полностью совпадает с пониманием

пространственности классического города архитекторами эпохи ампира, например, Ж.Ф.Тома де Томоном. Такое единодушие свидетельствует о том, что принципы эти были актуальны на протяжении всего столетия и их содержание не изменялось со сменой стилевых предпочтений и архитектурной моды. Стабильность пространственного видения Петербурга на протяжении его «золотого века» была обусловлена постоянством условий, определявших пространственность города. Они же ведут свое начало от того, что оставалось неизменным всё время существования города, — неотъемлемых от естества Петербурга характеристик северного речного ландшафта.

На протяжении всего XVIII столетия градостроительство Петербурга ориентировалось на такое соединение разобщенных частей города, которое давало бы ощущение их пространственного единства вплоть до слияния в целостное общегородское пространство — идеал эпохи ампира, реализованный в ансамблях центральных городских площадей александровского времени.

Список литературы

1. *Альгаротти Ф.* Русские путешествия: Письма о России / пер. с ит., сост., коммент. М.Талалая. СПб., 2006.
2. *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
3. *Иконников А. В.* Петербург и Москва (К вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М., 1986. С. 103–129.
4. *Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988.
5. *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.

References

1. Al'garotti F.; Talalai M. (trans., comp., comment.). *Russkie puteshestviia. Pis'ma o Rossii*. Saint-Petersburg, 2006.
2. Bespiatykh Iu. N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniiaxh*. Leningrad, 1991.
3. Ikonnikov A. V. Peterburg i Moskva (K voprosu o russkoi gradostroitel'noi traditsii). *Esteticheskaia vyrazitel'nost' goroda*, Moscow, 1986, pp. 103–129.
4. Kuznetsova O. N., Borzin B. F. *Letnii sad i Letnii dvorets Petra I*. Leningrad, 1988.
5. Luppov S. P. *Istoriia stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka*. Moscow; Leningrad, 1957.